

ТРАДИЦИИ ТРУДА В ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЕ ОСЕТИН

Хадикова А.Х.¹, Гостиева Л.К.¹

¹Федеральное государственное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО – Алания, Владикавказ, Россия (362040, РСО – Алания, г. Владикавказ, пр.Мира, 10), e-mail: khadikova@mail.ru

В статье на основе анализа этнографического и фольклорного материала, с привлечением историко – ретроспективного подхода, рассматриваются традиции трудовой взаимопомощи осетин, как части социального и духовного опыта народа. Исследование выполнено в рамках гуманистической этнологии, трудовые традиции осмысливаются как один из основных аспектов культуры эмпатии этноса. Вопросы коллективного труда и взаимопомощи, характерные для осетин традиционного периода, представляются весьма актуальными для научного исследования. Во-первых, они привлекают внимание к способам передачи традиций, а их выявление имеет существенное теоретическое, и, особенно прикладное значение именно в наши дни, а во – вторых, вопросы коллективной взаимопомощи, как и эмпатического поведения в целом, отвечают все более назревающим потребностям возрождения ценностей труда, возвращения ему статуса категории общественной морали.

Ключевые слова: традиции взаимопомощи, коллективный труд, эмпатическое поведение, этнические моральные ценности, модальная личность.

LABOUR'S TRADITIONS IN OSSETIANS VALUE SYSTEM

Khadikova A.K.¹, Gostieva L.K.¹

¹Federal State Institution of Science "North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev" Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10), e-mail: khadikova@mail.ru

The article considers the tradition of mutual labor Ossetians as part of the social and spiritual experience of the people, on the basis of analysis of ethnographic and folklore materials, involving historical - retrospective method. The study was performed in the framework of humanistic ethnology, labor traditions conceptualized as one of the main aspects of the culture of empathy ethnic group. Questions of teamwork and mutual which characteristic for Ossetians traditional period, is very relevant for the scientific study, because firstly, attract attention to the modes of transmission of traditions, the identification of which is of considerable theoretical and especially practical value it today, and the second, they meet all the needs of a simmering labour revival of values, returning him to the status of the category of social morality

Keywords: the labour traditions, teamwork, empathy behavior, the ethic moral values, the modal person.

В поле зрения современной отечественной и зарубежной этнологии в качестве исследовательских объектов все чаще стали попадать этнические традиции взаимного понимания, признания и взаимопомощи. Значимой частью перечисленных категорий являются ценности коллективного труда и все связанные с ними этнокультурные институты. Ценности трудовой взаимопомощи в традиционных обществах порождают множество таких культурных и социальных конструктов, которые, выдержав все модернизационные и трансформационные процессы, занимают свои прочные позиции в жизни наших современников уже в качестве основ их эмпатического поведения. Хотя взаимопомощь как феномен общения зачастую носит наднациональный характер, его исследование в рамках разных этнических культур крайне актуально и перспективно. И с точки зрения преемственности этнического бытия, и в интересах понимания процессов

исторического и культурного развития вплоть до осмысления труда как величайшей нравственной ценности в общегуманитарном контексте.

Ни для кого не секрет, что труд является одним из важнейших факторов эволюции человечества, исследуя традиции, сопровождающие совместную трудовую деятельность людей, мы стоим на тех позициях, что именно взаимная помощь и солидарность, а не внутривидовая конкуренция являются главными двигателями прогресса.

Особенности своеобразного, горского экономического устройства осетин традиционного периода требовали известной солидарности односельчан в процессе их трудовой деятельности, что определяло некоторые специфические трудовые институты внутри сельской общины, классическим примером которых можно считать «зиу». Это - обычай коллективной взаимопомощи, когда следуя «святому обычаю старины», на помощь земледельцу приходят его соседи и односельчане.

Обычай взаимопомощи был связан с целым комплексом поведенческих стереотипов. «Зиу» с участием сообщества соседей, иногда и всей сельской общины («къаубаста»), устраивался не только на предмет сельскохозяйственных, но и строительных работ. По свидетельству С.В. Кокиева, «помещение строится по возможности и при участии всех членов семейства, приятелей и друзей, охотно принимающих участие в этих случаях» [7, с.77].

«Зиу», несомненно, отражал общественные отношения более раннего периода, нежели тот, что был доступен для его письменного фиксирования. Соседи принимали участие в «зиу» добровольно и в свободное время. Отказ от участия в этом виде помощи мог вызвать в общественном мнении столь однозначное порицание, что едва ли был допустим. По свидетельствам, организация и способ структурирования «зиу» «скорее напоминает торжественный праздник, чем утомительную работу, в нем польза коллективной работы удачно сочетается с чрезвычайно радостным настроением его участников» [1, с.407].

Заканчивалась коллективная работа всегда угощением его участников («зиуатта») и всеобщим весельем. Впрочем, труд и совместные пиршества тесно взаимосвязаны не только в случае «зиу», когда сама работа представляется как праздник. М. Гарданти замечал: «В Осетии... культ поклонения труду. Выходит ли пахарь в поле пахать, жать, молотить, косарь — косить — они чествуют этот первый день особым пиршеством — общественным и частным» [3, с.35].

Домашний труд строился в соответствии и с учетом принятой в традиционном обществе гендерной и возрастной его «специализацией» в рамках патриархальной семьи. Сельскохозяйственный же труд, считаясь занятием всеобщим, большей частью снимал гендерно-возрастные регламентации. С началом сельскохозяйственного года «вся горная

Осетия, и стар и млад, на полях» [3, с.35]. Однако, в источниках есть данные и о том, что «всем сельскохозяйственным трудом занимаются мужчины, на долю женщин выпадает домашнее хозяйство» [6, с.161]. К примеру, «весь черный труд у осетин не ложится своей тяжестью на женщину, а распределяется между обоими полами, смотря по силам и склонностям. Тяжелые полевые работы исполняются мужчинами, сбыт продуктов в соседних городах производится ими же, на долю женщины остается домашнее хозяйство» [2]. Однако указание того же автора о том, что осетины «живут в селениях, построенных частью на русский образец», свидетельствует что описание относится к равнинным селам [2]. В горах же, где земледелие требует несравнимо больших усилий, в это занятие были вовлечены все «без различия пола и возраста, не исключая подростков восьмилетнего возраста, стариков семидесяти лет и женщин в положении беременности или имеющих грудных детей» [3, с.35].

Указание на то, что «женщины заботятся о жатве, сборе плодов, а мужчины занимаются пахотой и обработкой земли» [3,с.36], дает основание полагать, что сельскохозяйственный труд мужчин и женщин не был одновременным или, по крайней мере, совместным.

Осетинский материал указывает на обычное для периода интенсивных сельскохозяйственных работ нормирование рабочего времени: «...понятия о рабочем дне у осетин нет, рабочий день считают от зари до зари» [3, с.35]. А вот неожиданное наблюдение относительно распределения трудовой недели: «...древнее обыкновение, свято чтимое осетинами, позволяет им в неделю заниматься различными работами и рукоделиями только три с половиной дня или ровно половину недели. У них воскресенье, понедельник, пятница и первая половина субботы суть праздничные и назначены для отдохновения. Только крайняя необходимость может допустить осетина приняться за работу в пятницу и субботу, и разрешение на нее он должен купить кровью тучного барана, принесенного в жертву и мясом одного угостить ближайших своих соседей» [4]. Во всяком случае, характер подобного распорядка трудовой недели весьма далек от формального, и скорее всего он свидетельствует о статусе общинных норм труда и всеобщей их предписанности.

Нарушение выработанных общиной правил подвергалось штрафу — «ивар», или более сильному наказанию — «хьоды» — бойкоту. Такое соотношение уровней провинности подтверждается в литературе. Община контролировала индивидуальный сельскохозяйственный труд: «Никто не имеет права в Осетии произвольно один сам собою приступить к сенокосению, а должен выйти на определенное место в один день со всеми обитателями целого округа или ущелья. Для назначения такого дня установлен

совещательный праздник в июле, называемый осетинами Атенек, на который собираются все жители к одной какой-нибудь древней и уважаемой ими церкви» [4].

Характер и суть подобного собрания определялись в некоторой степени сакрализацией избираемого места. Форма и стереотипы проведения собрания во многом совпадали с утренними «советами», которые устраивались для распределения работы в рамках семейной общины.

Виды взаимопомощи, выросшие некогда из понятий родовой солидарности, сохранились и впоследствии, воплощаясь в коллективной хозяйственной деятельности осетин традиционного периода. «В тех случаях, когда взаимопомощь была соединена с производственными процессами, она носила характер общинной формы труда. Горец тут действовал артелью или скопом и, строго говоря, не существовало ни одного такого вида хозяйственной деятельности, к которому не прилагал бы горец этой излюбленной формы», – замечала об общинной форме труда Ф. Щербина [12, с.142].

Еще одним видом взаимопомощи был «цадамбал»: «Осетины, имеющие только по одному быку, вступают между собой в товарищества — цадамбал на время производства работ, а не имеющий совсем рабочей скотины возмещает прокат пары рабочих быков с сохой или с санями каким-нибудь личным трудом, впрочем безвозмездное пользование чужой рабочей скотиной и хозяйственными орудиями было прежде в обычае» [10, с.250].

Представления о нравственной обязанности участвовать в «зиу» были выражены очень ярко. Отказ в подобной просьбе считался фактом, отрицательно характеризующим человека, он вызывал не только обиду просителя, но и осуждение со стороны общества. Общинник, пренебрегавший этим обычаем, мог оказаться среди своих односельчан на положении отверженного.

Существующих данных о возрастном приоритете участников «зиу» достаточно, в основном это молодежь [10, с.212]. Однако в той или иной форме были задействованы все возрастные группы в определенных ситуациях [10, с.212]

Традиционные представления осетин включали целый комплекс оценочно-нравственных установлений и норм относительно престижности или неprestижности некоторых видов деятельности. Торговля, к примеру, считалась занятием весьма постыдным. Помимо земледелия трудовая занятость мужчин, по свидетельству Л.Штедера, характеризовалась определенными видами деятельности: они «занимаются седельной сбруей, ремеслом кузнеца, каменщика, строителя, приготовлением пороха, выделкой из кожи ремней и обуви, охотой и войной» [11, с.36]. Последний вид «занятости» мужского населения нельзя рассматривать в отрыве от веками формировавшегося воинственного этоса и мировоззрения кавказских горцев. Необходимо также учитывать реальную социально –

политическую ситуацию и общественное устройство, превалирующее на Северном Кавказе, в частности, в Осетии до ее добровольного присоединения к России в 1774 году.

Интересно, что источники, в том числе и нартовский эпос, проецируя предпочтительные для этноса личностные образы, а конкретно – представления о «правильном» мужчине, о мужском идеале, не упоминают трудолюбия, утверждая только лишь ценности отваги, боевой смекалки и отчаянного молодечества. Указанные приоритеты действовали независимо от возраста и выдвигали престижный приоритет лишь двух из описанных Л. Штедером видов деятельности — охоты и войны. Подобные мировоззренческие установки находят свое подтверждение в следующем наблюдении В.Б. Пфафа: «В свободное время они не занимаются ничем, кроме чистки и починки оружия. По взгляду такого народа работать стыдно, вследствие чего они предпочитают крайнюю нужду самой легкой производительной работе» [8, с.45]. Подобные убеждения были сформированы в архаический период этнической истории осетин и являются наследием воинственного этоса их индоиранских предков.

Воинские ценности, тем не менее, не могли не подвергнуться обстоятельному пересмотру уже к середине 19 века, что было отражено И.Д. Кануковым: «Теперь времена джигитовки миновали... Пора расстаться с оружием и взяться за соху». Все это говорил Хатацко. Я не ожидал от него столь резких приговоров над молодечеством, освященным предками» [5, с.36].

Тот же автор достаточно компетентен и убедителен в следующих своих рассуждениях: «Ряд исторических факторов доказывает нам, что народ сохраняет дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют... Но когда для развития этих качеств не благоприятствуют эти обстоятельства, на место храбреца и воина является трудолюбивый хлебопашец» [5, с.80].

Существенно, что одним из важнейших аспектов творчества выдающегося осетинского поэта и просветителя Коста Хетагурова (1859 – 1906), можно сказать, его посланием своему народу является попытка сломить характерное для каждой культуры воинского типа презрение к сельскохозяйственному и в целом, физическому труду и немало преуспел в этом. Он также крайне убедителен в том, что счастливая человеческая судьба человека, достойно прожившего свою жизнь, должна выглядеть приблизительно так: «Блажен, кто в родимом краю// Веселую песню свою//С друзьями подчас запекает// По нивам проходит родным// Кто хлеб для семьи добывает!» [10, с. 55]

И как гротескно жалки (не в воспитательных ли целях?) приверженцы прежнего «силового», нетрудового образа жизни: «С Наибом умерла и слава//Винтовок, шашек, скакунов//Меж тем для княжеских сынков//Не по руке еще забава://Соха, топор и наш

ремень//Холопов нет, трудиться лень//А голод, говорят, не тетка//И вот, как старая подметка//Вздыхая пыль, сгущая грязь//В народе топчется и князь//Отцов наследье проживая//И жалок он, да и смешон//Равняться с нами не желая//Ты посмотри, - чем занят он?//С винтовкой на коне, весь год//Скитаясь по аулам дальним//Воспоминанием печальным//Везде смущает лишь народ//Везде, едва – едва терпим// Подарки вымогает силой» [10, с.380]

Формирование второго исторического пласта национальной модальной личности осетин, характеризуется тем, что труду и качествам с ним связанным, придают уже весьма серьезное значение. Эталоном становится воин-труженик. Есть интересное предание о Згидской красавице, к которой сватались лучшие женихи. Она выбрала юношу самого бедного, никому не известного. Но он лучше всех танцевал, играл на музыкальных инструментах, пел, обладал красноречием и показал воинскую доблесть. Хотя в начале предания труд еще не введен в состязание, но дальнейшее развитие сюжета этого предания способность продуктивно трудиться интерпретирует как доблесть. Через некоторое время муж Згидской красавицы по причине ее тяжелой болезни не смог выйти на коллективный сенокос. Но она все же уговорила мужа отправиться на косовицу, так как не принять участие в совместном труде уже считается позорным. За одну ночь один накосил столько, сколько все другие за день [9, с.37]. И его в сказании представляют уже как героя, повышенная способность к труду расценивается как лучшее качество достойного мужчины. Труд еще не первое, но важное занятие. В обыденном сознании народа уже утвердилось убеждение, что недостаточно быть только воином, нужно хорошо работать.

Труд, как часть состязания, появляется в другом, более позднем предании о девушке Дзæндзираг. Она устроила состязание среди своих женихов. Между прочим, право устраивать нечто подобное девушка обретала, только получив статус лучшей девушки своего аула. Ею признавалась та из них, которая способна на трудовые подвиги - могла сама за одну ночь сшить полное обмундирование воина: черкеску, бешмет, ноговицы. Она также должна была продемонстрировать умение играть на гармонии, танцевать, свое кулинарное мастерство. Как мы можем убедиться, состязание входило в основу системы социализации не только юношей.

Вот такая девушка и устроила состязание среди своих поклонников. Она отказала от представителя знатной куртатинской фамилии, сославшись на то, что они не трудились, не жили своим трудом, т.е. фактически осудила их за безделье. Сватам из Махческа она отказала, потому что жених был подневольным работником у князя, т.е. не был самостоятельным. А жениху из Донифарса она дала согласие - он трудился на себя, был сам себе господин. Весьма показательно, что единственным условием, которое она поставила

жениху, было следующее: он должен был своими руками построить дом с башней, своими руками изготовить ружье, самому застрелить из этого ружья оленя и бросить у ее порога. Жених выполнил эти условия, чем и снискал ее согласие.

В этом предании наблюдается отчетливое смещение качеств, на передний план выходят те, что связаны с трудом: трудолюбие, трудовые навыки и умения. Но они не отменяют, не вытесняют качеств настоящего воина (добыть оленя – доблесть), они сплетаются воедино, формируя новые идеалы. Уже нужно что-то уметь создавать самостоятельно, а не только завоевывать. Вот это и есть совмещение в образе национальной модальной личности прежних качеств успешного воина с качествами продуктивного труженика, связанные с новыми потребностями. Обретая статус категории общественной морали, труд занимает важное место в субъективной картине жизни народа.

Список литературы

1. Ванети З.Н. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // Известия Осетинского научно – исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1926.
2. В.Х. Кое – что о дигорцах // Кавказ 1887. № 339.
3. Гарданти М.К. Социально – экономические очерки. Современная Северная Осетия. Владикавказ, 1908.
4. Гордеев Г.С. Вероисповедание, суеверие, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлиские ведомости. 1830. № 28.
5. Кануков И.Д. В осетинском ауле: Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе. 1985.
6. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 – 1808 г.г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 105 – 180.
7. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т.1. М., 1885. С. 66 – 112.
8. Пфаф В.Б. Материалы для древней истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1870
9. Сокаева Д.В. Указатель осетинских волшебных сказок по системе Аарне – Андреева. Владикавказ. 2004.
10. Хетагуров Коста Леванович. Произведения. Владикавказ, 2009.

11. Штедер Л.Л. дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
12. Щербина Ф. Общинный быт и землевладения у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. № 1-2.

Рецензенты:

Кобахидзе Е.И., д.и.н. профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО – Алания, г. Владикавказ.

Туаева Б.В., д.и.н., зав. отделом социально-политических исследований ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО – Алания, г. Владикавказ.